

Научная жизнь, обзоры, рецензии

УДК 167/168

DOI:

10.15372/PS20190310

О.И. Целищева

КАК НЕ НАДО КРИТИКОВАТЬ РЕЛЯТИВИЗМ: ИСТОРИЯ С БРОШЕННОЙ В ГОЛОВУ ОППОНЕНТА ПЕПЕЛЬНИЦЕЙ

Статья посвящена критике позиции Э. Морриса, изложенной в недавно опубликованной книге «Пепельница», в которой он, ссылаясь на эпизод своей учебы у Т. Куна, подверг резкой критике его так называемый релятивизм. Показано, что Моррис, необоснованно опираясь на нерелевантную к релятивизму логическую метафизику С. Крипке, упускает из виду существенные детали, связанные с релятивизмом Р. Рорти.

Ключевые слова: релятивизм; логика; метафизика, Э. Моррис; Т. Кун; С. Крипке, Р. Рорти

O.I. Tselishcheva

HOW NOT TO CRITICIZE RELATIVISM: A STORY OF AN ASHTRAY THROWN AT AN OPPONENT'S HEAD

The article criticizes the position of E. Morris set forth in his recent book, *The Ashtray*, in which, referring to the episode of his studies with T. Kuhn, he strongly criticized the so-called relativism. It is shown that Morris, when unreasonably relying on S. Kripke's logical metaphysics, which is irrelevant to relativism, misses essential details related to R. Rorty's relativism.

Keywords: relativism; logic; metaphysic; E. Morris; T. Kuhn; S. Kripke; R. Rorty

Недавно вышедшая книга Э. Морриса «Пепельница» [9] несколько оживляет скучную профессиональную атмосферу философии. В основе этой книги лежит отчет о странном происшествии, случившемся с культовой фигурой в философии и истории науки – Томасом Куном, автором
© Целищева О.И., 2019

знаменитой книги «Структура научных революций» [1]. Моррис, который был студентом Куна в Принстоне, рассказывает об эпизоде, когда, взбешенный неудобными вопросами о своем релятивизме, Кун якобы швырнул в него тяжелую стеклянную пепельницу. Сам студент через некоторое время был изгнан из Принстона, но не став философом, он сделал успешную карьеру в области документальных фильмов, заслужив даже «Оскара», и, на чем сходятся критики, решил отомстить давно умершему оппоненту.

Сам инцидент есть только повод для обвинения Куна в том, что тот отрицал существование реального мира и объективной истины. Звучит это обвинение несколько наивно для философских дискуссий, и критики справедливо обвиняют Морриса в том, что обсуждаемая им фигура очень далека от реального Куна и фактически подменена «соломенным чучелом», удобным для битвы. Но как бы то ни было, книга Морриса получила известность благодаря нескольким обстоятельствам. Первое – необычность самого эпизода, когда «аргументом» стал бросок в голову оппонента тяжелого предмета. Несмотря на обоснованные сомнения в полной правдивости описания этого происшествия (свидетелей не было), такого рода вещи привлекают читателей. Но книга обладает и другими интересными особенностями. Помимо того, что она снабжена великолепной графикой, ее автор охотно отвлекается от основной темы, а именно от критики релятивизма Куна. Так, при обсуждении концепции несоизмеримости он вдается в детали открытия математической несоизмеримости древними греками, приводя интересные подробности о пифагорейской общине. Более серьезный интерес представляют интервью, которые Моррис берет у таких персон, как физик С. Вайнберг, философы С. Крипке и Х. Патнэм, лингвист Н. Хомски и др. Наконец, самой серьезной и очень неожиданной темой книги является противопоставление релятивизму Куна предложенной Крипке концепции апостериорных необходимых утверждений.

Термин «парадигма», введенный Куном в философский дискурс, живет собственной жизнью, и хотя у самого Куна некоторые критики насчитывают более двух десятков определений этого термина, его интерпретации превышают то, что задумал сам Кун. «Структура научных революций» Куна апеллирует к истории физики, однако сами профессиональные физики не узнают свою дисциплину в его картине. Историки науки упрекают Куна в крайней расплывчатости описания эпизодов в истории физики. Гуманитарии всех мастей, от философов до социологов, от лингвистов до собственно историков, используют несоизмери-

мость парадигм в качестве обоснования своих прав на автономность постмодернистских конструкций, что приводило в замешательство и даже ярость самого Куна. «Заметьте – сказал он как-то в Принстоне – что если и есть “куновцы”, то я к ним не принадлежу».

Этот разброс в оценках вклада Куна, а именно это является вкладом в философию, или же в историю науки, или же, наконец, в социологию, характерен для обширной вторичной литературы, ставшей настоящей индустрией в философии науки, оказался благодатной почвой для появления совсем уже «нестандартных» историй о Куне или интерпретаций его работы, чем и стала книга Морриса. Нестандартность у Морриса проявляется прежде всего в том, что здесь задействованы личные мотивы, это что-то вроде мести, хотя и запоздалой. Действительно, были ли у Морриса причины отомстить Куну? Был ли на самом деле Кун вспыльчивым и нетерпимым человеком? Похож ли Кун в том, как его изобразил Моррис, на настоящего Куна? Определенно ответить на эти вопросы трудно из-за расплывчатости самих моральных оценок. Но можно прибегнуть к некоторым косвенным свидетельствам, которые проливают свет как на самого Куна, так и на Морриса. В любом случае Кун не был образцом коммуникабельной личности и, наверное, терпимости в научной жизни. В этом плане представляют интерес два факта.

Первый касается отношений Куна с Рорти. Во время своего пребывания в Принстоне Кун вел семинар по истории науки. Рорти был участником этого семинара, и именно тогда у него созрела концепция перенесения всей парадигмальной машинерии Куна на философию. И за все эти годы у Рорти и Куна было всего три встречи [3]! Эта странность не может быть объяснена характером Рорти, известного своей коммуникабельностью. В любом случае, будущим историкам науки будет трудно понять, как два самых знаменитых «релятивиста», один в области истории и методологии науки, а второй в области философии, не сумели наладить контакта. В этом отношении тень «пепельницы» может кое-что и прояснить.

Второй факт может объяснить некоторые другие стороны характера Куна. С. Фуллер в своей крайне детальной книге о Куне [4] описывает его как протеже «вашингтонского ястреба» периода начала холодной войны Конанта, в то время ректора Гарвардского университета, давшего Куну «задание» с откровенно политической подоплекой. Вполне возможно, что роль «политического агента», которую вынужден был играть Кун, сформировала человека, не преуспевшего в физике (специальность, по которой он получил образование) и «отомстившего» физике или фи-

зикам тем, что раскрыл релятивистскую сущность того, чем они занимаются. Тут можно додумать много такого, что вообще не относится к делу, и в этом отношении «свидетельство» Морриса о поведении Куна является не окончательным. Тем не менее многое говорит о том, что в характере Куна были действительно определенные странности. Так, он категорически не стал участвовать в борьбе мнений по поводу идей своей книги, что крайне нетипично для философа науки. В тех редких случаях, когда Кун все же участвовал в таких дискуссиях, он проявлял нетерпимость и отказывался понимать, что другие говорят о его идеях. Так, о последнем интервью, которое дал Кун, он сам говорит следующее: «Я вспоминаю, как был приглашен на семинар, организованный студентами в Принстоне во время студенческих волнений 1968 г. И я повторял: “Но я не говорил этого! Но я не говорил этого! Но я не говорил этого!”».

Если бы Моррис ограничился инвективами против Куна, обсуждая несоизмеримость парадигм, то книга лишилась бы значительной части своей странности. Эта странность начинается уже с обращения Морриса к эпизоду в истории античной математики. Глава 5 «Революции реальные и вымышленные» посвящена частично несоизмеримости катетов и гипотенузы прямоугольного треугольника. Дело в том, что введение в книгу таких персон, как Пифагор, уводит внимание читателя несколько в сторону от проблем, связанных с собственно философией Куна. Но Моррис идет дальше, вводя в рассмотрение персоны, которые кажутся совсем уже нерелевантными. Чуть ли не главным союзником Морриса в критике Куна оказывается логик С. Крипке, чье понятие апостериорных необходимых утверждений, по мнению Морриса, является главным инструментом опровержения релятивизма. Эта особенность книги заслуживает отдельного внимания. Дело в том, что Моррис апеллирует к крайнему релятивизму, который он обнаруживает у Куна, утверждавшего, что поскольку контакт с миром осуществляется через то, что ученые видят и делают, мы можем захотеть сказать, что после революции ученые сталкиваются с другим миром.

Это действительно крайность, но проблема заключается в том, что Кун применил в данном случае метафору, Моррис же воспринимает ее серьезно и при этом обращается к метафизике, сопутствующей модальной логике Крипке, как противоядию релятивизму. Речь идет о концепции твердых десигнаторов Крипке и, более общо, о семантике возможных миров. Кун с его проблематикой никогда не касался таких вопросов, в лучшем случае у него могла идти речь о «со-

циальном конструировании» внешнего мира. Здесь у Морриса начинается полная путаница, поскольку смешивается онтология с эпистемологией.

Семантика возможных миров подразумевает две интерпретации: эпистемическую и метафизическую. Последняя принадлежит Крипке, который представляет ее в следующем виде: «Возможный мир не есть отдельная страна, на которую мы наталкиваемся или которую обозреваем в подозрную трубу. Вообще говоря, возможный мир находится слишком далеко от нас. Даже если бы мы путешествовали со скоростью, превышающей скорость света, мы все равно не достигли бы его. Возможный мир задается дескриптивными условиями, которые мы с ним ассоциируем» [8, p. 271]. Эта в высшей степени абстрактная тематика оказывается полезной Моррису в опровержении релятивизма Куна весьма оригинальным образом. По Моррису, суть работ Крипке состоит в том, что язык не просто говорит о нас и наших мыслях, но прямо, не опосредованно нашими мыслями и верами, соединяет нас с миром. Основанием для такого сугубо метафизического мнения служит понятие твердого десигнатора, термин, который указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах.

Крипке часто критикуют за определенного рода возрождение метафизики, основанной на модальной логике, или, наоборот, ставят ему в это заслугу. По свидетельству самого Крипке, «возможные миры не есть нечто, к чему могут относиться эпистемологические вопросы подобного рода» [7, p. 148]. Но при обсуждении релятивизма как такового на первый план выходят именно эпистемологические вопросы. Моррис перенимает или некритически воспринимает взгляд Крипке, по которому эпистемологические вопросы, в общем-то, поглощаются метафизическими соображениями. Естественно, что при этом очень странная апелляция Морриса к метафизике Крипке преследует цель избавиться от эпистемологических аспектов релятивизма. Однако следует подчеркнуть, что позиция Крипке в этом отношении весьма уязвима. Так, М. Даммит утверждает: «Теория Крипке допускает различие, отсутствующее у Фреге, подобное тому, которое делалось Витгенштейном в “Трактате” и позитивистами, – различие между эпистемической и метафизической необходимостью. С моей точки зрения, позиция Крипке хуже, чем в “Трактате” и у позитивистов, и не только потому, что он соотносит значение и необходимость, но и потому, что всенаходно выбирает метафизическую, а не эпистемологическую необходимость для такого соотнесения» [2, p. 526].

Особенностью книги Морриса является полное игнорирование спорности положений Крипке, на которые он опирается. Моррис усиливает психологическое давление на читателя, приведя отрывок из своего интервью Крипке, которое, впрочем, не задает основного вопроса: в какой степени обращение к формальной модальной логике является релевантным к критике релятивизма Куна. В этом контексте представляет интерес мнение Ф. Фоллесдаля, впервые продемонстрировавшего корректность кванторной модальной логики вообще: «Речь идет об определенных, формальных, теоретико-модельных структурах. С их помощью, я надеюсь, можно показать, что кванторная модальная логика может быть сделана respectable, свободной от логических трудностей. Однако их недостаточно, чтобы сделать ее философски respectable» [3, p. 236].

Все эти необычные и почти скандальные особенности книги Морриса делают непонятным, к кому она собственно обращена, поскольку для философов, повторяем, утверждения книги несколько наивны, а обычный читатель вряд ли уловит те тонкости, которые, по мысли автора, должны произвести на него впечатление. Данная статья не предназначена быть рецензией на книгу, а призвана отметить любопытное обстоятельство об отсутствии свидетелей происшествия. Точнее, такое отсутствие трактуется расширительно, поскольку Моррис обсуждает проблемы (помимо кратких интервью) при полном отсутствии каких-либо релевантных философских фигур. Другими словами, у него нет «свидетелей», которые могли бы прояснить многое как по поводу релятивизма Куна, так и по поводу обоснованности привлечения Крипке к дискуссии. Между тем есть две фигуры, которые незаслуженно выпадают из нарратива Морриса. Автор книги вообще не упоминает главную фигуру, которая для философов олицетворяет релятивизм, а именно Р. Рорти. Что касается обоснованности противопоставления историку физики Куну логика Крипке с его апостериорными необходимыми утверждениями, то тут Моррис проявляет наивность другого рода, не делая различия, как уже сказано, между эпистемологией в истории науки и метафизикой алетических модальностей. В этом плане важно иметь в виду как раз эпистемологическую интерпретацию модальностей, которая воплощена лучше всего в эпистемической логике Я. Хинтикки.

В контексте приведенного выше замечания М. Даммита, следует принимать во внимание, что гораздо более реалистичной является эпистемологическая интерпретация модальностей при применении логики

к тем проблемам, которые обсуждаются в связи с релятивизмом. Моррис безоглядно верит, что его понимание того, что сделал Крипке, адекватно для аргументации против релятивизма Куна. Более скептический взгляд приводит к более общему вопросу о релевантности подобных рассмотрений в принципе. Но допуская, что таковая все-таки наличествует, имеет смысл дать очень краткое описание альтернативы интерпретации Крипке, служащей основой для Морриса, альтернативы, о которой он, похоже, и не подозревал. Фактически аргументация Морриса означает вторжение на территорию, о которой у него весьма слабое представление.

Упомянутой альтернативой является эпистемическая интерпретация возможных миров у Я. Хинтикки, который критикует важнейшее для аргументации Морриса понятие твердого десигнатора, то самое понятие, которое описывает нечто «соединяющее нас с миром». «Имена индивидов не написаны у них на лбу, они не идентифицируются сами по себе. Мы можем наблюдать не “голые” индивиды, а лишь индивиды в облачении свойств и отношений. Онтологический нудизм может оказаться привлекательной идеей на солнцепеке чисто абстрактной семантики, но он невозможен на практике, в холодном климате реалистической прагматики модальной логики» [6, p. 400].

Как видно из приведенных пассажей, позиция Крипке и его оппонентов включает множество тонких, в том числе технических, моментов, которые никак не входят в сферу обсуждения Моррисом релятивизма Куна. И то, что Моррис практически слепо полагается на идеи Крипке, выглядит если не наивно, то по крайней мере странно. Эта странность в еще большей степени проявляется в том, что в представлении Морриса релятивизм как философская доктрина привязан лишь к одному Куну, хотя для обоснованного неприятия релятивизма требуется более солидная база. Речь идет о «главном» философском релятивисте Рорти. Если при анализе работ Куна требуется извлекать неявный или скрытый его релятивизм, то у Рорти отказ от понятий объективности истины является «фирменной маркой». И то обстоятельство, что Моррис вообще не упоминает Рорти, говорит в пользу догадки, что Моррисом руководит чувство мести, а не подлинный интерес к опровержению релятивизма.

Огульная атака на релятивизм не является плодотворной, потому что релятивизм имеет массу оттенков, которые для Морриса несущественны. Например, оказывается, что релятивизм Рорти не совпадает с релятивизмом Куна. Больше того, «в своих интервью [Кун] постарался дистанцироваться от “релятивизма Рорти” и от сочинений других

его поклонников, пытавшихся вплести куновские доктрины в ткань философских направлений, которые Кун считал непривлекательными» [10, p. 188].

Такая позиция Куна подтверждается и его личными взаимоотношениями с Рорти. Как же было упомянуто выше, во второй половине 1970-х годов Кун преподавал в Принстонском университете, где работал и Рорти. Несмотря на то что Рорти был, можно сказать, поклонником Куна, они встречались на каких-то формальных заседаниях не больше трех раз в год. Н. Гросс говорит, что это обычное дело для занятых профессоров в элитных университетах [5, p. 155]. Но это не совсем убедительное объяснение для столь редких контактов. Скорее всего, что Кун просто избегал такого рода встреч (не только с Рорти), будучи глубоко убежденным в том, что коллеги искаженно интерпретируют его результаты. Еще одним доводом в пользу этой гипотезы является то, что Кун одновременно с преподаванием в университете работал в Институте передовых исследований в Принстоне, где вел семинары, которые посещал Рорти. Можно представить себе, что вряд ли Рорти отмалчивался на семинарах, а также то, как Кун реагировал на него. Об этом нет прямых свидетельств, но даже и косвенных достаточно. Взаимное непонимание можно увидеть в замечании Рорти, что ему в конце концов так и не стало ясно, почему, с точки зрения Куна, он, Рорти, был большим «релятивистом», чем сам Кун, и где он «сошел с рельсов» [10, p. 188].

Причина, по которой Кун не солидаризировался с релятивизмом Рорти, состояла в том, что для Куна научный дискурс в иерархии знания гораздо выше гуманитарного. С точки зрения Рорти, между двумя этими дискурсами нет особенных различий, и тем не менее Рорти очень редко прибегал к примерам из науки, если исключить проблематику элиминативизма. Однако в критике сайентистской направленности аналитической философии он вынужден был обсудить и Куна, и скалы и законы физики».

Поскольку научное сообщество, в частности физическое, скептически приняло концепцию Куна, да и философы науки возражали ей по многим основаниям, за Куном закрепилась репутация скорее «историка науки». Рорти же полагает, что Кун является выдающимся философом, перекроившим карту культуры. Главная заслуга Куна, с точки зрения Рорти, состоит в демонстрации того, что показал сам Рорти, только уже в применении к естественным наукам, а именно того, что ученые не имеют специального доступа к реальности или истине. Рорти обращает особое внимание на то, что Кун разрушил иерархию дискурсов, которая

восходит к Платону: наверху иерархии находится математика, затем – естественные науки и только потом – гуманитарные.

Возвращаясь к самому Моррису, следует отметить, что несмотря на впечатляющие имена ученых, у которых Моррис брал интервью, главных участников он упустил из виду. Полностью полагаясь на Крипке, он забыл о его оппонентах, в частности о Я. Хинтикке. Еще большее упущение состоит в отсутствии на сцене Р. Рорти. И если стрелы Морриса были направлены на релятивизм как таковой, тогда его концентрация на Т. Куне говорит о личных мотивах, а не об общей озабоченности релятивизмом как таковым.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
2. Dummett M. Postscript // Synthese. – 1974. – Vol. 27, No. 3–4.
3. Follesdal D. Interpretations of quantifiers // Logic, Methodology, and Philosophy of Science. – Amsterdam: North-Holland, 1969.
4. Fuller S. Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times. – Chicago: The University of Chicago Press, 2003.
5. Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. – Chicago: The University of Chicago Press, 2008.
6. Hintikka J. The semantics of modal logic and indeterminacy of ontology // Semantics of Natural Language / Ed. by D. Davidson et al. – Dordrecht, Holland & Boston, U.S.A., D. Reidel Publishing Co., 1972. – P. 253–355.
7. Kripke S. Identity and necessity // Identity and Individuation / Ed. by M. Munitz. – N.Y., 1971.
8. Kripke, S. Naming and necessity. In: Davidson, D. & G. Herman. (Eds.). Semantics of Natural Language. Dordrecht, Holland & Boston, U.S.A., D. Reidel Publishing Co., 1972. – P. 253–355.
9. Morris E. The Ashtray, Or the Man Who Denied Reality. – Chicago: The University of Chicago Press, 2018.
10. Rorty R. Thomas Kuhn, rocks, and the laws of physics // Philosophy and Social Hopes. – Penguin Books, 1999. – P. 174–189.

References

1. Kuhn, T. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).
2. Dummett, M. (1974). Postscript. *Synthese*, Vol. 27, No. 3–4.
3. Follesdal, D. (1969). Interpretations of quantifiers. In: *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Amsterdam, North-Holland, 1969.
4. Fuller, S. (2003). *Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times*. Chicago, The University of Chicago Press.

5. *Gross, N.* (2008). *Richard Rorty: The Making of an American Philosopher*. Chicago, The University of Chicago Press.

6. *Hintikka, J.* (1972). The semantics of modal logic and indeterminacy of ontology. In: Davidson, D. & G. Herman. (Eds.). *Semantics of Natural Language*. Dordrecht, Holland & Boston, U.S.A., D. Reidel Publishing Co., 253–355.

7. *Kripke, S.* (1971). Identity and necessity. In: Munitz, M. (Ed.). *Identity and Individuation*. New York.

8. *Kripke, S.* (1972). Naming and necessity. In: Davidson, D. & G. Herman. (Eds.). *Semantics of Natural Language*. Dordrecht, Holland & Boston, U.S.A., D. Reidel Publishing Co., 253–355.

9. *Morris, E.* (2018). *The Ashtray (Or the Man Who Denied Reality)*. Chicago, The University of Chicago Press.

10. *Rorty, R.* (1999). Thomas Kuhn, rocks, and the laws of physics. In: *Philosophy and Social Hopes*. Penguin Books, 174–189.

Информация об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: Pomoshnik_ - _@mail.ru).

Information about author

Tselishcheva Oksana Ivanovna – Candidate of Sciences (Philosophy), the junior scientific worker of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia, e-mail: Pomoshnik_ - _@mail.ru)

Дата поступления 09.08.2019